

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2025 – 2026 уч. г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

Время выполнения – 4,5 астрономических часа (270 минут)

11 КЛАСС

Максимальное количество баллов за задания – 100 баллов.

Задание № 1.

60 баллов

Выберите для аналитической работы прозаический ИЛИ стихотворный текст. Произведите его анализ в соответствии с предложенными направлениями рассуждения и изложите содержание в прозаической письменной форме. Работа должна представлять собой цельный, связный, грамотный, композиционно завершённый текст. Рекомендуемый объём – 350–450 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Прочитайте рассказ **Бориса Зайцева** (1881 — 1972) и выполните его целостный анализ с опорой на указанные художественные особенности произведения:

- Художественное пространство и время рассказа, ключевые приметы хронотопа и способы создания особой атмосферы; динамика пространства и постепенное формирование целостного образа «нашей земли»;
- Специфика сюжетно-композиционной структуры рассказа: возможность (или невозможность) выделить традиционные компоненты сюжета, влияние сюжетно-композиционной структуры на восприятие жанровой природы произведения;
- Композиция персонажей, эмоции героев в контексте рассказа, способы включения в повествование их речи;
- Аллюзии к другим произведениям русских писателей конца XIX - начала XX века.
- Поэтика названия рассказа.

Комментарии:

Мирволить – благоволить, способствовать

Шпитонок, шпитонки (мн.ч.) – в дореволюционной России – дети, не имеющие родителей и воспитываемые в специальных воспитательных учреждениях.

Прясло – Часть изгороди от столба до столба.

Мы со старшиной очень долго бродили у него в саду. Время зашло за четыре, жар свалил и было очень светло, покойно. У старшины огромный сад, — когда мы забрели в дальний глухой его угол, не верилось, что мы в большом селе: тихий воздух, свет, белоснежная борода старшины казались библейским — глубоким, утишающим. Может, старшина и не такой совсем, но тут его речи тихи, он ужасно благообразен и седовлас; и даже в такую Божию благодать и теплынь во всегдашней своей черной чуйке.

Выходя, мы почтительно распрощались, он важно снял картуз и приветливо гладил бороду. «Не извольте беспокоиться, все будет. Все устроим как надо».

А мой Орлик танцевал слегка на привязи, над ним выются золотые мухи, гнедизна его тоже отликает золотистым — какой милый конек! Всего три года, он еще тоненький, но видна уже порода и благородство — вон как он вздрогнул, всхрапнул прозрачно-розовой ноздрей. Но-но, но-но-о... Шажком. Шаг у него воздушный — чуть-чуть, точно боится обидеть землю ударом: легенький-легенький, весь на пружинах.

Мальчик. Откуда такое? Как будто Ивана Ильича мальчишка. Да, просить заехать. Как же, помню. Нынче у него доктор этот будет — Иван Ильич, деревенский клуб. «Что ж, садись, дядя, подвезу!»

Дяде-то всего лет десять, сопливый несколько, и имя такое: Савоська. Однако, малый не дурак и даже в своем роде мил.

Р-раз, вспрыгнул на задок дрожек, как тушканчик-заяц, сидит смирно, занятно ведь на дрожках прокатиться. Рысью, с барином, да через все село!

Вот тут у них школа; за ней прудик, ракирки, и далеко видно, очень далеко. Сады старшины темно зеленеют плотной массой, но там, за светлым прудом далекий полукруг горизонта; хлеба, небо. И вот сейчас, пока мы едем, все это обтекают светлой волной лучи; мягко-мягко они льют себя, свою любовь и прелесть на траву, пруд, ветлы, барышню на крылечке; победно блистают в стекле. Это июньская благодать, — да, я уверен, солнце мирволит нам и верно лучи посмеиваются, нагревая худенькую пупуньку моего Савоськи.

Иван Ильич, конечно, рад: можно поговорить, пофилософствовать и выпить чайку на крылечке. Здесь у него самая середка села; вот мы сидим за безногим столиком, тянем чай, — а вокруг, по селу, потихоньку идет своя жизнь! Бабы белят холсты на мураве, гуси щиплют травку, медленно бредет пьяный и над дорогой тихо золотится пыль. А к Ивану Ильичу, несмотря на мирный час, беспрерывно идут — то один, то другой. Он сияет, лоснится, и кажется, это играет в нем все тот же горячий чай, что вливает он в себя чуть не с полудня.

Кто же, все-таки, этот доктор, о котором он мне говорил? — Доктор? Неужели не знаю? Да не может быть! Лыжин, объездной такой доктор, за шпитонками смотрит — чудака большой руки, а человек хороший, ничего сказать

нельзя – хороший. «В особенности лошадок любят; да и так очень добры – ко всем-с». Да, да, замечаю, вон там запылило по дороге, дрожечки как у меня и фигура мешком, земская фигура.

«Они уж мимо нас никогда не проедут-с, у них так заведено».

Что ж, пока мы распиваем чай, он там будет опрашивать питомиц, разных белобрысых пигалиц, Сенек, Ванек. Издали видно, как шагает медведем, – а там дальше старая церковь, облупилась слегка даже, крест выхвачен золотом и вокруг зигзагами ласточки. Почему они любят так эти сияющие кресты? Верно, весело их ласточьим душам реять в воздухе вокруг такой чудесно золотой штуки.

«Они уж давно вашего Орлика насматривают, потому – много наслышаны».

Наконец, мы и допили; и он бредет, тюлень. «Вы погромче, они на ухо туговаты». Что же, если хороший человек, можно и горло поутрудить.

Да впрочем, понимает, все же, довольно славно, – привык, должно быть, – по губам. Глаза маленькие, умно-добрые, и такая улыбка: сразу как улыбнулся – открыл себя до самого нутра; и захотел бы спрятаться – не может. Теплом пахнуло и что-то незабудочье было в глазах. «Рад познакомиться, знаете ли, тут живешь-живешь бок о бок...» Я тоже очень рад, разумеется. Что же, все в разъездах? Да, конечно, ездить много приходится, ну, да это что! Работать привык. Всю жизнь на ногах – да и работа хорошая. Вот раньше служил, – в болотах дело было, так даже уши потерял. Тут-то еще ничего. Ездишь, ездишь, всего все равно не выездишь, а ведь какая страна-то! И все тебя знают, смотришь, наблюдаешь.

Рассказывает охотно. И народ любит. Есть в нем такая нотка, глубокая, с трепетом. 2Их узнать надо, знать, да, тогда поймешь. И вот, – на моих глазах растут. Пробуждаются, знаете ли, растут!»

Ах, доктор, доктор, такой толстый, пыльный, со вспотевшими вихрами – я вижу вас в деревне! Да и не в одной деревне, – вы кружите на своих дрожечках по всему уезду, и всюду вы такой же теплопахнувший и рассказываете вольные мысли, как древние «братья» в посконных рясах. И так же даже детей лечите, и любите детей, только милостынку не собираете; впрочем, верно очень голы, как-никак. Ну, вот, дошло и до Орлика дело. Хороший конек? Конечно, недурен. Это, кажется, по вашей части. Встал, надел полотняный картуз, через плечо сумка – к Орлику. Орлик не отпрянул – хорошего человека видно за версту. Улыбнулись друг другу, доктор треплет его по шее. «Хорошее создание, страсть люблю лошадей! Только чтоб кузнец не заковал, – анафемы эти кузнецы!» Обхаживает, оглядывает Орлика, заглянул в рот. «Вот и мой – тоже неплохая лошадка. Знаете, едем иной раз в поле, – вижу, устал, – я сейчас разнуздываю, подпругу отпущу, попасется, а сам сiju, люблюсь: когда лошадь ест, ужасно это хорошо».

Так он говорит, а я сiju, смотрю. Конечно, это ему идет; такой он и есть: наверно, сам корм задает, разводит садик какой-нибудь, любит детишек, и понятно, у самого ребят куча. «У них лошадям приволье, у них легко, никогда

даже пбру нет». «Пбру!» Само собой понятно. Иван Ильич хихикает, и в лоснящихся его щеках играют вечерние лучи.

Прощайте, однако, доктор, до свиданья, Иван Ильич, – надо трогаться. Доктору тоже надо. Мы дружески жмем руки и садимся на дрожки. Несколько времени едем вместе, потом он сворачивает. Вон забелел его парусинный пиджак, пыль зазолотилась над ним – укатил эскулап!

А Орлик мой не торопится; да и правда, хорошо идти трусцой по широченной улице, мимо зеленой травки, ветел, холстов, – проезжая мирное сердце деревни. И ведь вот, бегают ребятенки, – что в них? Обыкновенные ребятки, кричат: «Барин, барин, дай копеечку!» – потом, когда подъеду к околице, высыпят как воробьи, унижут все прясло, самую околицу, – заскрипели, поехали! Тут уж надо леденца, непременно, это старый обычай.

Дальше – будут они встречать скот, будет пахнуть молоком, коровами и глубокое благообразие посетит деревню: после долгого, Божьего дня с трудом и честной жизнью настанет час отдохновения, все они будут ужинать.

Но, но-о, вперед, Орленок, не робей, это просто-таки мостик, чего грустишь? Ну, конечно, переехали, да и в горку подыдемся без всяких хитростей. Видишь, вон – гуляют: «учительша», поповна, молодой богослов, ученик землемерный. Это, брат, по всей вероятности любовь. Надо думать, что так. Видишь, как томно выступает учительша, под мышкой у ней умная книжка, что-нибудь старое и благородное. Вот она вспыхивает вся от смеха, смех сквозит в каждой жилке молодого ее лица. Очевидно, землемер острит что-нибудь – уничтожающе, насчет предрассудков, стариков. Здесь, в светлый летний вечер он прав, и тысячу раз будут они правы, если зайдут далеко в рожь, будут петь, рвать васильки, мечтать, смотреть, как мушки золотятся в солнечных лучах. И благо будет им, когда позже, в смутной дымке, дойдут домой – медленно и значительнее, и над речкой, в благоухании, в легком тумане, будут целоваться.

А нам можно и рысью. Мы поедем безмерным морем ржей, в синеющем сумраке; временами козодой взовьется с дороги и прореет над нами с тобой, Орлик, – ты не пугайся. Он нестрашный, козодой, он только смешной какой-то, бесшумный. Покружит, покружит и сгинет в зеленой мгле, – а ржи ведут свой тихий говор, колышатся, ходят, точно думают что-то по-своему над колыбелью.

В этот вечерний час нужно быть чутким: в безмолвии нив, у истоков – можно подслушать и полюбить нечто. И не нужно разговоров, встреч, людей. Там сзади осталось село, сады, старшины, доктор, мужики, учительницы, молодежь; пусть живут они там в мире и радости: здесь, направо, налево, лежат тоже села, и так же теплятся в них жизни – неугасимыми лампадами. Мы будем ехать тихо, тихо, – в благоговении, и молчать пред равнинами, небом и Богом, которому одному лишь доступна полная радость. Потихоньку, мой Орлик, не фыркай! Ничего не бойся, шагай без страху по этой земле – она наша. Мы любим ее.

Вариант 2. Поэтический текст

Прочитайте стихотворение современного поэта *Алексея Пурина* (1955 г.р.). Выполните целостный анализ стихотворения с опорой на указанные художественные особенности произведения:

- Образ Поэта-пророка. Аллюзии к теме Поэта-пророка и Поэта и толпы у других поэтов (А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов) и оригинальная интерпретация этих тем А.Пуриным.

- Динамика поэтического языка, смена лексического плана при переходе от образа «поэта» к образу «серафима».

- Связь ритмико-синтаксического и звукового строя стихотворения и идейно-тематических аспектов.

Алексей Пурин

* * *

Тебя, обладавшего силой
Волшебных речений, пророк,
Ночной серафим шестикрылый
На темном пути подстерег.

Ухватки — развязны и грубы,
И злобен заоблачный лик.
Он смотрит насмешливо в зубы:
Показывай, дескать, язык!..

Скажи ему: «Ангел небесный,
Не тронь моего языка —
Доднесь его сладостной песней
Смирялась людская тоска.

Ему покорялись народы,
Пред ним расступались не раз
Морские кипучие воды,
И скалы пускалися в пляс,

Иного призванья не чая,
И Божий им тешился слух!..» —
Всё громче кричи — замечая,
Что вестник-то попросту глух.

...Не будет пчелиного гуда,
Слетавшего в сердце с листа,
Кишащего буквами, — чуда, —
Одна немота, немота.

Задание № 1.

40 баллов

Вам нужно создать графическую иллюстрацию к тексту, который вы анализировали в первом задании. При создании иллюстрации нужно использовать метод «Облако слов».

«Облако слов» – это визуальное представление списка ключевых понятий по какой-либо теме или по произведению. Обычно имеет форму графической фигуры: геометрической (овал, круг, квадрат и т. д.) или фантазийной, но узнаваемой (облако, сердечко, звезда). В фигуру вписаны ключевые слова по определенной теме. Наиболее значимые слова выводятся более крупным шрифтом; важные, но менее значимые – более мелким, и так по нисходящей. Слова могут быть выделены разными цветами, стилем шрифта, расположением (например, вертикально по отношению к остальным, горизонтально расположенным). Допускается повторение одного и того же слова несколько раз.

Вам нужно описать созданное вами «Облако слов» с соблюдением следующих условий и объяснением ключевых параметров:

1. Отбор слов и их градация: отобрать не менее 15 значимых слов, объяснить отбор, размер слов и их повторяемость, если есть;
2. Расположение слов по отношению друг к другу: объяснить схему (вверху, внизу, сбоку и пр.) и направление расположения (вертикально, горизонтально, диагонально или иная форма расположения);
3. Цвет, стиль, начертание шрифта выбранных слов: объяснить разницу в цвете и стиле шрифта. Например, сочетание нейтрального печатного и полукруглого или фигурных или вытянутых букв, сочетание начертаний: нейтрального, курсивного, жирного. Или объяснить единство шрифта и стиля, если вы используете единый шрифт в облаке;
4. Форма облака: объяснить выбор той или иной графической формы изображения, объединяющей все слова.

Объем текста свободный. **Допускается сопровождение своего описания графической зарисовкой.**

Ниже приведены примеры «Облака слов» для произведений русской литературы: А.С.Пушкин «Дубровский», А.А.Фет «Ласточки пропали...», Л.Н.Толстой «Война и мир» (книжная обложка, созданная с помощью «облака слов»).

